

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всякому, кто приступает к чтению книги такого объема, стоит ознакомиться с ее планом. Вот он:

Часть I	Часть II	Часть III	Часть IV
<i>Окружение Павла</i>	<i>Мышление Павла</i>	<i>Богословие Павла</i>	<i>Павел в своем окружении</i>
Империя первого столетия. 5	6, 7, 8	9, 10, 11	12. Павел и империя
Древняя религия. 4			13. Павел и религия
Древняя философия. 3			14. Павел и философия
Иудейский мир Павла. 2			15. Павел в своем иудейском мире
Введение. 1			16. Заключение

Пункты восходящей ветви соответствуют пунктам нисходящей. Подлинная кульминация книги – часть третья, где я изложил новую трактовку богословия Павла, используя в качестве руководящих категорий три богословских темы, фундаментальных для иудейского мира его времени и нашего, и высказав мнение о том, что все его богословие правильнее всего было бы понимать в ракурсе переработки им этих тем с учетом истин о Мессии и духе. Но для того чтобы это обрело смысл, какой оно имело для Павла, нам нужно понимать его исторически, то есть в контексте сложного и неоднородного мира его времени. А точнее – миров.

В части первой я постарался, учитывая рамки своего исследования, как можно более подробно описать многогранный мир Павла с его контекстами – иудейским, греческим, римским. Я считаю это чрезвычайно важным. Без этого мы допустили бы слишком много необоснованных обобщений, сделали бы слишком много опрометчивых шагов. В главе второй изложен ряд особых соображений относительно иудейского мира Павла; что же касается глав третьей, четвертой и пятой, то здесь в основном я не высказываю каких-то новых идей (хотя идея римской *Heilsgeschichte* обычно не разрабатывается как таковая). Но если мы стремимся

понять Павла в контексте его мира, нам необходимо учитывать определенные обстоятельства, которые должны занять в нашем изложении надлежащее место.

К. С. Льюис, говоря о том, что он узнал от историков литературы, описал итог, к которому стремлюсь я. Такие авторы помогли мне, – говорит он, – рассматривать литературные тексты в соответствующих контекстах,

что помогло мне понять, какие потребности эти тексты были призваны восполнять, какие обстоятельства жизни читателей они отражали. Таким образом я был избавлен от опасности ложных путей, научился искать нужное, обрел некоторую способность ставить себя на место тех, кому они были адресованы.¹

Я буду рад, если именно к такому итогу придут читатели Павла, ознакомившись с частью первой. Затем, рассмотрев мировоззрение и богословие Павла в двух частях книги, составляющих ее ядро, я попытался, идя в обратном направлении, изучить те же контексты и получить представление о том, какое место в них занимает Павел. Конечно, поскольку важным в общей аргументации настоящего исследования является тезис о том, что Павел, вне всякого сомнения, остается иудейским мыслителем, его отношение к иудейскому контексту носит иной характер, нежели отношение к другим мирам, в которых он жил. Но есть и другие важные проблемы, которые нам нужно будет рассмотреть, когда мы доберемся до этого вопроса.

Пожалуй, мне следует здесь добавить следующее: хотя, таким образом, между первой и четвертой частями наблюдается хиастическое равновесие, между частями второй (главы шестая, седьмая и восьмая, о мировоззрении Павла) и третьей (главы девятая, десятая и одиннадцатая, о его богословии) подобного равновесия нет. Однако я надеюсь, что такая организация материала в книге в целом поможет смелому читателю не потерять путеводной нити. Такое построение материала, среди прочего, призвано риторически заострить внимание на главном тезисе книги, который может быть вкратце выражен так: Павел разработал нечто, что мы вполне можем называть его богословием, радикальной переработкой основных убеждений его иудейского мира, потому что только так он мог обосновать то, что мы соответственно можем называть мировоззрением, выразителем которого был он и которое он стремился привить своим церквам. Другие мировоззрения характеризуются своими определяющими и формирующими обрядами и обычаями, но для Павла эти внешние

¹ Lewis 1961, 121f. То, что Льюис не всегда следовал собственному совету, – например, отвергая исследования, посвященные поискам исторического Иисуса, и предпочитая явно анахронические чтения (Lewis 1955, xxx), – безусловно, не сводит на нет значимости этого тезиса.

знаки (обрезание, законы о чистой и нечистой пище и т. д.) утратили значение как не соответствующие новой мессианской эпохе, новому мессианскому народу. Здесь необходимо было только основательное переосмысление иудейских религиозных убеждений – учений о единобожии, избрании и эсхатологии, переосмысление их в свете истин о Мессии и духе. Нельзя сказать, что богословие – категория, не известная в более широком неиудейском мире, но никогда прежде не было необходимым возведение такого мощного сооружения, призванного защитить единство и святость церкви, подвергающейся множеству самых разных культурных влияний в мире. Мой тезис состоит в следующем: Павел действительно *создает* нечто, что мы можем назвать христианским богословием, и делает это особым образом (иудейские убеждения, касающиеся Бога, переосмысленные с учетом истин о Мессии и духе) для данной конкретной цели (упорядочение жизни нового мессианского народа). Иными словами, мы осознаем значение третьей части, только когда поймем часть вторую; и мы подлинно поймем смысл того и другого, только когда увидим то и другое в рамках более широкого мира, контуры которого обрисованы в части первой и который станет предметом изучения в части четвертой.

Здесь хочу обратить ваше внимание на один особый результат такой постановки вопроса. В большинстве научных работ о богословии Павла центральное место занимает сотериология, включая учение об оправдании. В некотором смысле это справедливо и в отношении настоящего исследования. Но в иудейском контексте сотериология тесно связана с вопросом о том, что есть народ Божий. Бог призывает семейство Авраама и избавляет его из египетского рабства. Именно так разворачивается история, и эта история, по убеждению Павла, продолжается, но теперь центральное место в ней занимают Иисус и дух. Этим объясняется то, почему именно такова глава десятая – об избрании – и почему она самая длинная в книге. Спешу добавить, – и это станет очевидным по прочтении данной главы, – что вследствие этого сотериология не растворится в экклезиологии (как утверждают некоторые). Скорее здесь заостряется внимание на иудейском убеждении (приверженность которому подтверждает Павел) о том, что Божий ответ на проблему бедственного состояния мира сего начинается с призвания Авраама. Это также не означает, что народ Божий определяется просто как *восприемник благ* спасения (такое определение отдавало бы самоуверенностью). Смысл призвания иудеев, по убеждению Павла, состоял в том, что они должны были быть *глашатаями* спасения всему миру. Это, в свою очередь, определяет и его личное призвание, находящее выражение в характерной практике.

Те, кто читал мои работы, написанные ранее, уже некоторое время топили меня с выходом этой книги. Это четвертый по счету том (хотя

в нынешнем издании эти четыре тома представлены в двухтомнике) серии «Истоки христианства и вопрос о Боге», которое было заказано *SPCK* в Лондоне в 1990 г. Первые три тома, «Новый Завет и народ Божий» (*НЗНБ*), «Иисус и победа Бога» (*ИПБ*) и «Воскресение Сына Божьего» (*ВСБ*), появившиеся в 1992, 1996 и 2003 гг. соответственно, были опубликованы в Америке, издательством «Фортресс-пресс» в Миннеаполисе. Цель написания этих работ состояла не в том, чтобы переписать богословие Нового Завета или историю Нового Завета, а в том, чтобы положить начало некоему диалогу между тем и другим, чтобы результатом этого диалога стал как теоретический, так и практический синтез. Поскольку временной промежуток между выходом книг серии все увеличивался – сначала четыре года, потом семь и, наконец, десять, – я сознаю, что мерил свою жизнь, так сказать, не «чайными ложечками», а большими «столовыми ложками». Я надеюсь, что проживу достаточно долго для того, чтобы закончить серию этих книг, но поскольку моим изначальным намерением было написать исследование об Иисусе и Павле, возможно, я могу позволить себе сказать, что достиг важной цели. И, конечно же, я спешу выразить благодарность своим друзьям и коллегам из *SPCK* и «Фортресс-пресс» за проявленное в ходе работы над серией терпение.

Важно отметить, что настоящее исследование действительно является составляющей упомянутой серии; иными словами, все, что я высказал как предварительные замечания, можно найти в предшествующих томах серии, особенно в *НЗНБ*. Глава вторая настоящего тома представляет собой более подробную и целенаправленную разработку материала части третьей *НЗНБ*, но надо сказать, что в более раннем исследовании многое просто базируется на предположениях (это касается, например, вопроса о том, кто такие фарисеи). Также следует отметить, что не всегда было возможно или желательно постоянно отсылать читателя к тому или иному тезису, высказанному ранее. В данной книге я достаточно много ссылаюсь на свои тексты (отчасти делаю это потому, что рецензенты часто говорят: «Но почему же вы не коснулись этой темы или того вопроса?», в то время как это уже было сделано в другой работе). По той же причине в данной книге я меньше, нежели следовало бы ожидать, говорю о воскресении у Павла, поскольку это было главным предметом обсуждения части второй *ВСБ*. Я повторил целый ряд тезисов о том, к чему прилагаю оспариваемый термин «мировоззрение» и тесно связанное с ним понятие «образ мышления», поскольку они занимают очень важное место как в структуре, так и в содержании данной книги. Но основные принципы были изложены в частях первой и второй *НЗНБ* и остаются неизменными. Судя по всему, посвященные этим вопросам дискуссии обретают все большую актуальность, поскольку представители нового поколения

вновь задаются фундаментальными вопросами. Одна из величайших трудностей в современной библейской науке состоит в том, что в последнее время появилось неисчислимое множество целей, методов и подходов, вследствие чего вести конструктивные дискуссии стало труднее, поскольку теперь у нас меньше отправных точек, с которых можно было бы начинать обсуждение. Важно определиться с вопросом отправных точек, и именно это было сделано в более ранних исследованиях.

В частности, мне хотелось бы подчеркнуть, что мое представление о сложном мире Павла, иудейском и неиудейском, формировалось долгие десятилетия, в процессе внимательного и всестороннего изучения текстов, древних и современных, включающих в себя разнородные элементы, которые в разное время проявляются в различных сочетаниях и характеризуются различными акцентами. Критики иногда обвиняют меня в том, что я сначала придумал картину, или «ведущую историю», а затем приписал отраженные в ней идеи раннехристианским авторам. Тем самым критики выдают свою наивность. Каждый человек приходит к тексту со своими представлениями и ведущими историями, более того – с установками и убеждениями философского, богословского, культурного, социального и политического характера. Вопрос состоит в том, подлежат ли они обсуждению и позволяют ли рассматриваемому предмету, так сказать, возражать или отвечать на возражения. Мое представление о множестве переплетающихся миров Павла (в особенности, но не исключительно, о его иудейском мире) непременно сложное (хотя далеко не столь сложное, какой, судя по всему, была сама действительность; таково уж проклятие всей истории, современной и древней), и я разрабатывал его на протяжении этих лет, находясь в состоянии непрерывающегося диалога с самими текстами. Предположение о том, будто я начал с одной идеи и просто подогнал под нее тексты, – это такого рода обвинение, какое может возвратиться к тому, кто его выдвигает.

Во многом это имеет отношение к методу аргументации, который я разъяснил и обосновал ранее и который можно в целом охарактеризовать как «критический реализм». Под этим я подразумеваю применение к истории той же самой общей процедуры, которая используется в точных науках: мы должны не просто собрать факты, но попытаться понять их путем построения гипотез, а затем проверить на основании свидетельств.¹ Если явно не начать с этого, то толкователям всегда будет

¹ См. Malina and Neyrey 1996, ix – x, где об этом говорится как об «абдукции» (в противоположность индукции или дедукции). Термин «абдукция» был введен в философию Пирсом (Peirce 1958, 89-164) в ходе рассмотрения так называемой «логики открытия» и экономики научного исследования. Другой известный термин, обозначающий тот же самый процесс, – «вывод, ведущий к наилучшему объяснению». Термин «критический реализм» (я почерпнул его в работе Meyer

угрожать опасность остаться непонятыми коллегами: они будут характеризовать тезисы оппонентов как неубедительные, потому что не принимают в расчет более широкие гипотезы, в контексте которых эти тезисы могли бы представляться весомыми.

Даже когда эти более широкие гипотезы принимают во внимание, иногда предпочтительным считается совершить обходной маневр, а не вступить в рукопашный бой. Я надеюсь, что эта книга будет иметь именно такой результат в противоположность ряду других серьезных исследовательских проектов, появившихся за последние годы. Дело, конечно, в том, что в гуманитарных дисциплинах в целом (в отличие, скажем, от инженерного искусства или математики) обычно возникает такая ситуация: ученый не замечает того обстоятельства, что оппонент «вышел во фланг», если только такой шаг не подкреплен детальным опровержением. (Одно из достоинств аналитической философии состоит в том, что ее приверженцы четко сознавали, что происходит. Я помню любопытный ответ, данный уже пожилым тогда А. Дж. Айером, ведущим представителем логического позитивизма середины столетия, на вопрос о том, в чем заключаются трудности с его философией. По сути, он сказал, что его философия ошибочна.) Поскольку часто места для детального обсуждения не находится, мы должны проявлять терпение. В одних случаях сорняки можно уничтожить сразу. В других случаях, будучи уничтожены, они станут расти вновь и вновь. А в иных случаях все, что можно будет сделать, это просто, выловив их, надеяться, что они больше не взойдут. В отдельных случаях, конечно, может оказаться так, что это вовсе не сорняки, а прекрасные цветы, которые в свое время должны распуститься и которыми все будут восхищаться...

Нечто подобное следует сказать о проблеме диахронических и синхронических чтений Павла: другими словами, о том, должны ли мы сначала изучить послания одно за другим (диахрония, изучение с точки зрения развития явления на протяжении отрезка времени) и только после этого попытаться дать единую полную картину явления (синхрония, сопоставление различных временных отрезков). Именно такая попытка предпринята в одном из наиболее всесторонних недавних исследований о богословии Павла.¹ Такой подход мотивирован высокими стремлениями, но уже сама объемность данной книги (данных книг) естественно влечет за собой вопрос об осуществимости такого проекта. Как бы то ни было, я написал эту книгу, когда мне уже было за шестьдесят, и к этому

1989 и пользуюсь им эвристически, не вкладывая в него всю полноту смысла, находящую отражение в работах таких философов, как Р. В. Селларс [R. W. Sellars] и А. О. Лавджой [A. O. Lovejoy], которые оперировали им как узкоспециальным термином), ср. *NTPG* 332-7.

¹ Schnelle 2005 [2003].

моменту я уже изучал, преподавал и проповедовал о посланиях Павла добрых сорок лет: за это время я написал общедоступные толкования на каждую книгу НЗ, научные комментарии на послания к Колоссянам и Римлянам, а также множество статей об отдельных текстах и книгах. Таким образом, хотя я целенаправленно не собирал эти диахронические материалы как основание для настоящего исследования, полагаю, что правильно было бы считать их таковыми.

Однако следует учесть, что, начиная с диахронии, мы сталкиваемся с двумя проблемами. Во-первых, мы не знаем точной последовательности написания Павлом посланий. У нас есть некоторое представление об этом. Все мы полагаем, что Первое послание к Фессалоникийцам было ранним посланием (хотя, возможно, не самым ранним?), а к Римлянам – поздним (хотя, быть может, не последним?). Мы предполагаем, что Первое послание к Коринфянам было написано раньше Второго послания к Коринфянам. Но более точных суждений по этому поводу мы высказать не в состоянии. Во-вторых, большинство ученых относят все основные послания к достаточно краткому периоду, который длился самое большее десять лет, тогда как миссионерское служение Павла в целом продолжалось по крайней мере тридцать лет. Учитывая, (а) что Павел был евангелистом, учителем, миссионером и пастором задолго до того, как написал послания, дошедшие до нас, и (б) что почти все имевшееся в его распоряжении время он посвящал не написанию посланий, а чрезвычайно непростому и нескончаемому служению, особенно учительству, было бы ошибкой полагать, что его послания представляют собой последовательность заявлений, или публикаций, в которых он, как исследователь, общал о результатах своих последних изысканий. Это можно поставить в вину тем ученым, которые рисуют апостолов по образу своему.²

Пасторы могут допускать ту же ошибку. Вполне возможно, что пастырский труд, совершавшийся в первом столетии в мастерской по изготовлению палаток, весьма отличался от деятельности современного пастора, принимающего посетителей в кабинете. Однако многие пасторы полагают, что, хотя та или иная ситуация может заставить их мыслить нестандартно, в принципе нужно постараться уместить долгие годы изысканий, обучения и опыта в короткой беседе, письме или сообщении электронной почты. Как указано в главе одиннадцатой ниже, невозможно представить себе, что Павел внимательно и вдумчиво не размышлял над вопросами, которые он рассматривает в Послании к Римлянам в целом и в главах с девятой по одиннадцатую в частности. Он расположил материал таким образом, чтобы вести читателя от одного трудного вопроса к другому; но это, я убежден, происходит не потому, что он размышляет об этом вновь в ходе написания послания. Думаю, он хочет, чтобы его читатели так

² Ср. Hooker 1975.

размышляли над этими вопросами, чтобы ощутили всю напряженность его мысли. Послания можно уподобить нескольким ведрам воды, почерпнутой из глубокого источника и разлитой по тем сосудам, которые Павел счел правильным предложить читателям в тех или иных случаях.

Поэтому нам следует ожидать, что то, о чем Павел говорит кратко и загадочно в одном месте, в другом месте он более подробно и обстоятельно объясняет. Мы должны научиться истолковывать одно послание с помощью другого, – разумеется, принимая во внимание ход мысли в каждом из них. Иными словами, диахронические изыскания важны и всегда необходимо начинать именно с них, но синхроническое изложение материала, по крайней мере в формулировании гипотез, также всегда необходимо. В конце концов, даже самые ярые приверженцы диахронического подхода вынуждены допускать, какое бы послание ни рассматривали, что есть некоторое родство мыслей, скажем, Павла, написавшего Послание к Галатам, и Павла, написавшего Филиппийцам. Некоторые из нас более десяти лет назад поставили эксперимент: попытались изучить богословие отдельных посланий одно за другим, как если бы не было никаких других посланий. Это был полезный и важный эксперимент, но я не думаю, что результаты его заставили усомниться в целесообразности параллельной задачи построения синхронических гипотез.¹

Предмет, который мы здесь исследуем, конечно же, чрезвычайно обширен. Столь же обширна библиография научных работ, посвященных ему. В этом нет ничего нового. Вергилий, который более двух тысяч лет назад обращался в послании к императору Августу, говорил, что его предмет чрезвычайно обширен, и, изначально взявшись за свой труд, он, должно быть, был не в своем уме; а все это было намного раньше появления печатного слова и Интернета.² Современные ученые, специалисты во многих областях, говорят о том же, что день за днем в ходе написания данной работы находил я:

Библиография... необозрима, и объем этой книги мог бы возрасти вдвое или даже втрое, если бы я стал рассматривать в ней противоречивые мнения. В каждом абзаце, если не в каждом предложении, я мог бы явно подкреплять или опровергать мнения нескольких ученых.³

¹ См. серию книг, которые появились после семинара о богословии Павла, проведенного под эгидой Общества библейской литературы в девяностых: Bassler 1991; Hay 1993; Hay and Johnson 1995; Johnson and Hay 1997. В целом проблеме синтеза мысли Павла и вопросу пределов развития его мысли посвящена интересная статья Сандерса (2008).

² См. Макробий, «Сатурналии», 1.24.

³ Galinsky 1996, ix.

В этой связи мне вспоминается один угрюмый шотландец, которому поручили за три дня упаковать мои книги, когда мы переезжали из Оклендского замка на побережье в области Файф летом 2010 г. «Одного не могу взять в толк, – заявил он, – все книги да книги, и все они об одном!» В этих словах выражена серьезная мысль. Давно уже миновало то время, когда можно было прочитать или даже просмотреть все. Как и во многих других областях, в библейской науке нужно выбрать определенных собеседников, и именно это я и сделал в данной книге. В некоторых наиболее важных, на мой взгляд, моментах я попытался обстоятельнее раскрыть рассматриваемые вопросы, но в основном я сосредоточил внимание на разъяснении тем и текстов, которые не требовали от меня обильного цитирования. Я приношу извинения друзьям, коллегам и, конечно же, специалистам, чьи изыскания освещены в книге не так подробно, как хотелось бы. Изначально я планировал посвятить одну или две главы новейшей истории исследований, касающихся Павла, но этот проект перерос в отдельную книгу («Павел и его новейшие толкователи»), но даже в ней я не смог достаточно подробно прокомментировать некоторые недавние изыскания, – например, важное исследование Дугласа Кэмпбелла. Почти каждый день мне попадается новая монография или статья, которая могла бы стать предметом дискуссии (но тогда сам мир не вместил бы написанных новых томов).

Еще одна трудность, сопряженная со всяким тематическим изучением любого автора, состоит в неизбежности повторений. Либо нужно написать ряд комментариев на все тексты от корки до корки, и в этом случае нужно будет повторять необходимые общие тезисы относительно ключевых тем всякий раз, когда они будут звучать в текстах (или же делать так называемые экскурсы); либо нужно будет разъяснять выбранные темы, и в таких случаях возникнет необходимость повторять экзегезу того или иного отрывка. Я избрал последний вариант. Обратившись к указателю⁴ (в котором жирным шрифтом отмечены важнейшие обсуждения часто упоминаемых отрывков), читатель поймет, где были неизбежны экзегетические повторы.⁵ Мне жаль, что в некоторых случаях не удалось избежать повторений, но, думаю, те, кто обратится к этой книге в поисках разъяснения конкретной темы, найдут нужный материал собранным в одном месте.⁶

⁴ Сводный указатель будет приведен в конце третьего тома. – Прим. ред.

⁵ См. размышления Фи (Fee 1994, 10f).

⁶ Главное исключение здесь Рим. 9, 30 – 10, 13, текст, который буквально просит отнести его к теме «оправдание» главы десятой, но который необходимо было рассмотреть в связи с главой одиннадцатой.

В ходе работы над подобным проектом возникают всякого рода лингвистические трудности. Мы склонны были не задумываясь говорить об «иудаизме» и «христианстве», но теперь ученые подчеркивают, что первый из этих терминов не означал тогда то, что он означает сейчас, и что слова «христианский» и «христианство» звучат анахронично, если отнести их к первому столетию. Это обстоятельство не остановило выпуск серьезных книг, в названиях которых фигурируют упомянутые слова, но этого достаточно для того, чтобы заставить нас задуматься о данной проблеме; я же, со своей стороны, пытался мыслить исторически о первом столетии и постарался не слишком жестко связывать рассматриваемый материал с последующими эпохами. В частности, следует отметить, что суффикс «-изм» сразу же вызывает всевозможные ассоциации с идеями девятнадцатого века, и нам лучше не употреблять его.¹ Особая трудность сопряжена со способом именования тех из иудейских современников Павла, которые не уверовали в то, что Иисус из Назарета – Мессия Израиля. Обычно их называли евреями, не ставшими христианами, или неверующими иудеями; некоторые ученые считают первое определение анахроничным, последнее же – уничижительным. Я попытался уйти от этих определений, сознавая, что все мы сталкиваемся с теми или иными вариантами этих трудностей.² Точно так же слово «язычник» воспринимается некоторыми как бранное слово, хотя, как и в других работах, я продолжал (наряду со многими другими учеными, представляющими самые разные традиции) пользоваться этим термином в целях экономии места. То же касается аббревиатур «от Р. Х.» и «до Р. Х.», выражения «Ветхий Завет» и словоупотребления иудеев и христиан первого века, которые прилагали местоимение «он» к Единому Богу.

Но следует ли так именовать Единого Бога? В первых двух частях книги я старался, как и прежде, избежать необходимости отвечать на вопрос: «О каком боге мы говорим?», – и потому распорядился о том, чтобы слово «бог» печаталось со строчной буквой. Когда же в части третьей разговор заходит собственно о богословии Павла и в части четвертой о применении его, это слово печатается с прописной буквы, – в согласии с убежденностью самого Павла в том, что он говорит о Едином Боге.³

¹ См. Meeks 2001 и, например, Lang 2004.

² См., например, тщательно продуманные перифразы в работе Nanos 2010.

³ Баркли (Barclay 1996, 15 n. 6) сталкивается с той же проблемой и принимает противоположное по сути решение, относя слово «Бог» ко всем божествам, «поскольку оно обычно выражает почтение перед верованиями и обычаями приверженцев соответствующей религии».

Я говорил о самом Павле в период его жизни, предшествовавший встрече на пути в Дамаск, как о Савле Тарсянине. Надеюсь, что, по крайней мере, он не будет меня за это осуждать.⁴

Кроме особо оговоренных случаев, я пользовался собственным переводом НЗ 2011 г. (*The New Testament for Everyone*, в Америке тот же текст вышел под названием *The Kingdom New Testament*; в Лондоне он был издан SPCK, а в Сан-Франциско – *HarperOne*). Порой я отступал от традиции и переводил *Christos* как «царь» (я до сих пор считаю это правомерным), но здесь я обычно передавал это слово как «Мессия». Комментируя ВЗ и апокрифические книги, я, как правило, следовал *NRSV*, за исключением того, что вместо слова «Господь» употреблял тетраграмму *YHWH*.

Потребовалось бы несколько страниц, чтобы перечислить всех, кто содействовал мне в написании этой книги. Многие люди, с которыми я лично не знаком, посылали мне сообщения по электронной почте, в которых говорили, что с нетерпением ждут выхода этой книги, и я надеюсь, что не разочаровал их. Многие говорили мне, что молятся за меня (быть может, эти люди молились и о моей жене и других членах семьи, на которых главным образом легло бремя, сопряженное с моим трудом). Многие прочитали отдельные главы, разделы, целые части книги, а некоторые – почти всю книгу, и дали мне проникательные и полезные замечания и советы, которыми я постарался воспользоваться. Эти люди помогли мне нести мои бремена, хотя теперь вся ответственность ложится на меня и с меня следует взыскивать за все допущенные просчеты и недостатки. Я не стану указывать, кто из следующего алфавитного списка оказал мне помощь в том или ином из упомянутых выше вопросов, – я просто очень хочу поблагодарить: Эндрю Энджела, Джона Баркли, Майкла Берда, Ричарда Берриджа, Майкла Гормана, Скотта Хейфемана, Саймона Кингстона, Кристофера Кирвана, Брюса Лонгенекера, Гранта Макаскилла, Гордона Макконвилла, Скота Макнайта, Кери Ньюмана (который посоветовал мне не включать в текст некоторые детали и добавить ряд иных материалов), Оливера О’Донована, Уильяма Пью, Джона Ричардсона, Питера Роджерса (который вдохновил меня написание главы 4), Кевина Роу, Дэвида Симута, Элизабет Шайвли, Кейти Томас, Билла Тумена, Алана Торренса, Фрэнсиса Уотсона и Джулиана Райта (который предложил новый подход к трактовке материала главы шестнадцатой). Чрезвычайно необычным представляется то обстоятельство, что ученый, которому уже за шестьдесят, включил двух младших преподавателей, трудившихся

⁴ Причины, по которым он отказался от этого имени, рассмотрены в любопытном исследовании Leary 1992. Возможно, Павел вспоминает о царе Сауле, который, как и он сам, происходил от колена Вениаминова, в Рим. 11, 1 и далее (см. т. 2, гл. 11)

под его началом, в такой список, и я особенно благодарен Кристоферу Кирвану и Джону Ричардсону за то, что они на короткое время возобновили со мной как со старшим наставником отношения, прервавшиеся в 1971 г. (в этой связи хочу отдать должное двум моим учителям, специалистам по Павлу, – Джорджу Кэрду и Чарли Мулу, у которых я очень многому научился. Джордж умер задолго до того, как возникла сама идея написания этой серии книг. Чарли прочитал первые три тома со свойственными ему пронизательностью и вдумчивостью, и его письма, написанные от руки и занявшие место в рабочих копиях моих книг, являются для меня драгоценными сокровищами. Увы, он не сможет удостоить этот том своим благожелательным вниманием.). Я особенно благодарен аспирантам, обучающимся здесь, в Колледже св. Марии при СентЭндрюском университете, которые весной 2013 г. усердно перечитывали крупные отрывки книги, особенно из части третьей, и не только нашли в тексте немало опечаток, но и высказали множество пронизательных замечаний и серьезных вопросов. Особую благодарность хотелось бы выразить Эрнесту Кларку, Эндрю Ковану, Джону Данну, Джону Фредерику, Хейли Горенсону, Кристофу Хайлигу, Киту Джаггеру, Дангхуну Парку и Норико Ягамучи. Особую благодарность совершенно иного характера мне хотелось бы выразить моему другу, командору Британской империи, Стюарту Лионсу, который, будучи не только успешным бизнесменом, но и вдумчивым исследователем творчества Горация (о чем вкратце упомянуто в главе пятой ниже), был одним из наиболее внимательных и пытливых читателей из числа неспециалистов, которым были представлены предшествующие тома серии; надеюсь, чтение этой книги также доставит ему удовольствие.

Я по-прежнему испытываю чувство чрезвычайной признательности Кевину Бушу, который уже несколько лет администрирует «мой» веб-сайт (www.ntwrightpage.com), за что заслужил благодарность многих людей, которых я не знаю ни поименно, ни в лицо. На протяжении многих лет подготовки и написания этой книги мне помогало огромное множество коллег-ученых, чья неиссякаемая энергия и благожелательная поддержка очень воодушевляли меня и содействовали в моем труде. Я рад тому, что мое общение с ними всеми продолжается, и надеюсь, что они насладятся плодами трудов, к которым все они так или иначе были причастны. Ник Перрин был со мной в Вестминстере; Арчи Райт и Бен Блэквелл в Дареме; Чад Маршалл в Принстоне; и теперь здесь, в колледже св. Марии, Джейми Дэвис нес бремена и тяготы последних лет. Я хотел бы от всего сердца поблагодарить их всех.

Как и в случае с книгой «Иисус и победа Бога», можно сказать, что я писал эту книгу большую часть своей жизни.¹ Есть явная преемственная связь между моей первой статьей о Павле, напечатанной в *Tyndale Bulletin* в 1978 г., и моей докторской диссертацией, завершенной в 1980 г., с одной стороны, и некоторыми мотивами данной книги, с другой. Однако, вне всякого сомнения, с того времени произошло множество перемен в моих взглядах и подходах к исследуемым вопросам. Если бы я написал эту книгу в восьмидесятых (таким было мое искреннее стремление), она была бы совсем другой. Большинство идей, которые я сейчас считаю наиболее важными, в то время только начинали у меня смутно вырисовываться. Надеюсь, длительная подготовка и предварительные изыскания, нашедшие отражение в других книгах и статьях, помогут мне создать прочное основание, на которое сможет опираться это исследование. Я рад тому, что в дополнение к этой работе почти все мои статьи о Павле (кроме тех, что вошли в работу «Кульминация завета» (*The Climax of the Covenant* [Edinburgh and Minneapolis: T. & T. Clark and Fortress Press, 1991/1992])) станут доступны читателям в сборнике «Читая Павла» (*Pauline Perspectives*), – это дань уважения одному из величайших немецких ученых предыдущего поколения Эрнсту Кеземанну.

И еще несколько слов в адрес тех, кому я глубоко благодарен. Во-первых, это издатели. Филип Ло из SPCK заказал эту серию книг почти четверть века назад. Я думаю, что никто из нас двоих не предполагал, что через столько лет мы все еще будем работать над ней, но все это время он оставался для меня добрым советчиком и вдохновителем. Саймон Кингстон и Джоанна Мориарти, как всегда, оказали мне неоценимую помощь и воодушевляли меня в трудах. Сотрудники издательства (не в последнюю очередь Луиза Клермонт и Иоланд Кларк), редакторы (особенно Дункан Бернс), корректоры, работники отдела продаж и маркетинга (особенно Алан Мордью) оказали мне неоценимую помощь и всячески воодушевляли меня. В Америке я имел честь познакомиться с Уиллом Бергкампом и новыми сотрудниками издательства «Фортресс-пресс». Они также не могли предполагать, что работа над книгой затянется, но не теряли оптимизма и со своей стороны делали все возможное, чтобы ускорить выход книги.

Во-вторых, это коллеги. Я по-настоящему приступил к написанию этой книги, когда был в творческом отпуске в Принстоне осенью 2009 г. Я не нахожу слов, которыми мог бы выразить всю благодарность моему дорогому другу и коллеге, его преосвященству Марку Брайанту, епископу Джарроу, который заботился о диоцезе Дарема в мое отсутствие, притом что никто из нас не предполагал, что он будет делать это

¹ Ср. JVG. xiv.

снова через год, после того как я уеду в Сент-Эндрюс для работы над этой книгой! Конечно, никто из нас и на мгновение не мог предположить, что он должен будет заниматься этим вновь, после того как моего преемника, недолго задержавшегося на должности, неожиданно-негаданно назначат архиепископом Кентерберийским. Я благодарю его, архидиаконов, моих сотрудников и всех, кто поддерживал меня на протяжении этого долгого отпуска. Кроме того, я хотел бы выразить благодарность д-ру Уильяму Сторреру и его коллегам и попечителям Центра богословских исследований в Принстоне, где я провел четыре чрезвычайно счастливых и плодотворных месяца, вновь погрузившись в мир научных изысканий, посвященных Павлу. Это было время, во многом изменившее мою жизнь. Передышка после многих лет напряженного труда в церкви и на государственной службе, богатейшие ресурсы библиотеки Принстонской богословской семинарии буквально в двух шагах, общение и дружба с другими жителями и гостями Принстона – все это послужило тому, что пребывание там стало для меня ценным и незабываемым опытом. А потом, к моему удивлению и восхищению, мне оказали теплый прием в колледже св. Марии в Сент-Эндрюс, где мое истощенное научными трудами сердце ожило вновь и где поддержка коллег, вдохновляемая настоятелем, профессором Айвором Дэвидсоном, создала атмосферу радостного и плодотворного сотрудничества.

Это была очень важная и совершенно неожиданная перемена для меня и моей семьи, и сегодня, в холодный, но солнечный весенний день, когда я пишу эти строки, взирая на Ферт-оф-Форт, я испытываю только благодарность.

Более всего я благодарен своей семье, своим близким. Мои дети и внуки мирились с моими писательскими привычками всю свою жизнь, всегда оставались по отношению ко мне благожелательными и дружескими. Мэгги, как всегда, была сама собой – проявляя подлинную красоту души: она никогда не позволяла мне считать, что моя работа важнее, чем она есть на самом деле, но всегда побуждала меня двигаться вперед и довести начатое дело до конца. Ей выпало нести тяжелое бремя, сопряженное с целым рядом обязанностей, и во многих случаях, связанных с тем необычным призванием, которое я исполнял, ей пришлось выступать в качестве ответчицы. Я безмерно благодарен всем своим близким и особенно ей за то, что они не перестают любить, веселить, критиковать и радовать меня.

У того, кто решит просто пролистать эту книгу, может возникнуть вопрос в связи с одной ее особенностью. Михал О'Шиэл, поэзия которого (и дружба с которым) радует меня уже много лет, написал мне по электронной почте вскоре после того, как я приехал в Принстон. Как

раз тогда у меня возникла мысль, что хорошо бы чем-то заполнить место – стихотворением или, возможно, даже рисунком – между второй и третьей частями книги. Не задумываясь, я спросил Михала, что бы он посоветовал. Буквально через несколько минут он прислал мне не одно стихотворение, а целых три, из его сборника «Языки», который вскоре должен был выйти из печати.¹ В этих удивительных стихотворениях исследуются внутренние смыслы знаков японского письма и то, как сочетания этих знаков порождают новые смыслы. Михал не знал, что моя книга слагается из четырех частей и что эти стихотворения так удачно найдут свое место в книге. (Когда книга стала двухтомником, мы, естественно, решили поместить текст второго стихотворения в конце первого и в начале второго тома; в идеале оно должно занимать место как раз между этими двумя томами.) Кроме того, отправляя мне стихи о трех птицах на дереве, теперь соединенные в одно целое, он не знал, что я размышлял о том, как можно соединить Павла с тремя его мирами – иудейским, греческим и римским. И он также не знал, что буквально за миг до того, как прибыло его электронное сообщение с тем первым стихотворением о птице и каштановом дереве, большой рыжий коршун, который жил рядом с библиотекой Принстонской семинарии, спустился на каштановое дерево в нескольких футах от моего окна, вперил в меня свой взгляд и так сидел на ветке в течение целой минуты. У меня просто не было другого выбора. Я с благодарностью и трепетом принимаю большой дар от великого художника и даю трем его птицам новое, неожиданно обретенное жилище на этом дереве.

Ричард Хейз – один из тех, перед кем я более всего ощущаю себя должником, и его имя упомянуто в посвящении. Мы познакомились с ним в ноябре 1983 г. на конференции Общества библейской литературы в Далласе, где он выступил с докладом по Рим. 4, 1, а я – об Адаме в богословии Павла.² Буквально через несколько минут после окончания его выступления мы уже сидели за одним столом, вооружившись греческими Новыми Заветами (и огромными бокалами джина с тоником). Так потом было не раз: мы много беседовали с Ричардом о Писании и на досуге, в непринужденной семейной обстановке, и в аудиториях, где порой наши беседы превращались в острые споры. Конечно же, мы не всегда сходимся во мнениях. Но думаю, что даже тогда, когда я шел совсем иным путем (я имею в виду, например, толкование Павлом Второзакония в десятой

¹ O'Siadhail 2010, 144-146.

² См. Haas 1985 (работа переиздана в Haas 2005, 61-84). Хейз Р. *Возрождение воображения*. – Черкассы: Коллоквиум, 2012. Моя статья «Адам», первоначально изданная в *Seminar Papers* (ed. K. H. Richards), 359-89, была пересмотрена и дополнена для издания Wright 1991/2 [*Climax*], ch. 2.

главе Римлянам, которое Ричард охарактеризовал как возмутительное¹), я не смог бы проделать этот путь, если бы он прежде не отпер «ржавые ворота», преграждавшие мне путь. Пользуясь другим образом, скажу: если порой я исследовал неосвященные пути, которые привели к местам, где он не бывал, то это отчасти потому, что он передал мне свой факел. Мы очень разные и в других отношениях. Я написал много книг, как охотник, палящий в темноте наугад и надеющийся, что хоть какая-то из пуль угодит в цель. Ричард медлил, раздумывал и в итоге создал подлинные шедевры, которые изменили весь ход богословской дискуссии. Я могу уподобить эту книгу своеобразной «точке с запятой» после тридцати лет обсуждения богословия Павла, и надеюсь, что вторая часть предложения будет столь же яркой и богатой.

Я уже упоминал о том, что работал над этой книгой большую часть своей жизни. Но была и пауза: я особо не размышлял о Павле в период с пяти до пятнадцати лет. Но с него все началось в моей духовной жизни. В другой работе я писал о своей первой встрече с Библией.² Она произошла 2 июня 1953 г.: это был день рождения моей матери и день коронации королевы Елизаветы II. Мои родители подарили моей сестре и мне Коронационные Библии (естественно, это была Библия короля Якова). Моя была похожа на меня в то время: маленькая и толстенькая. Мы с сестрой ушли в нашу спальню, сели на пол и принялись листать это чудо. В то время я только учился читать и, мягко говоря, не вполне был готов к тому, чтобы изучать Послание к Римлянам. Листая Библию, мы нашли тогда Послание к Филимону: на одной-единственной странице умещалась фактически целая история. Мы прочитали ее вместе. Именно тогда все и началось. И это одна из причин, хотя и не единственная, почему я начинаю эту книгу именно так. Королева Елизавета все еще на престоле, моя мама скоро отметит очередной юбилей, а Послание к Филимону – по-прежнему хороший библейский текст для начала новой книги.

Н. Т. Райт

Колледж св. Марии

Сент-Эндрюс, Шотландия

канун Дня Св. Троицы 2013 г.

¹ Hays 1989, 82.

² См. статью в *Perspectives*.